

УДК 295

З.А. Магомедова

Дагестанские накшбандийские шейхи XIX в.

Статья посвящена главным идеологам накшбандийского тариката в Дагестане и их общественно-политической роли в дагестанском обществе XIX в.

The article is devoted to main ideologists of tariqa of Naqshbandiya in Daghestan and their political role in the Daghestan society in XIX century.

Ключевые слова: *ислам, суфизм, тарикат, накшбандийский тарикат, идеологи.*

Key words: *Islam, sufizm, tariqa, tariqa of Naqshbandiya, ideologists.*

Тарикат – одна из форм суфизма. Это путь к истине, к Богу. Термин этот появился уже в XIX в. И первоначально обозначал различные морально-психологические методы, при помощи которых человек, ищущий самоусовершенствования, может быть направлен к этой цели кратчайшим путем [5, с. 37].

Чтобы понять специфику и сущность идеологии накшбандийского тариката в Дагестане, необходимо проанализировать деятельность её главных последователей в XIX в.

На рубеже XVIII–XIX вв. Дагестан был раздроблен на множество владений и обществ. «Дагестану была жизненно необходима идеология сплочения всех здоровых сил перед фактом тотального завоевания» [18, с. 21].

Носителем откровения свыше, т. е. нового вероучения – мюридизма, его проповедником на Кавказе стал *муриид* Мухаммад-Эфенди Ярагский (1770/71–1838) – «святой тарикатский шейх, источник божественных истин, руководитель лиц, идущих к великим тайнам, спаситель гибнущих, великий чудотворец, светоч исламской религии» [3, с. 243].

Он являлся крупнейшим идеологом накшбандийского тариката в Дагестане. На должность тарикатского шейха-муршида его благословил Хас-Мухаммад Ширванский.

Мухаммаду-Эфенди было больше двадцати пяти лет, когда он, «завершив курс науки и знаний в Кюринском округе и в остальном Дагестане», возвратился на родину, в Вини-Яраг. Сельчане встретили его весьма радушно. Они уже были наслышаны о его успехах в учебе и в родном селении, и особенно в Ахтах, Согратле и других исламских образовательных центрах Дагестана. Кроме того, велик был авторитет его отца Исмаила-эфенди, который, как и дед его Шихкамал, занимался преподавательской и проповеднической деятельностью в Вини-Яраге. Благодаря их стараниям в селении строилась мечеть, при ней открылась исламская школа. Сельчанам было приятно сознавать, что Мухаммад пошел по отцовскому и дедовскому пути.

Несмотря на то, что в Дагестане ислам начал распространяться ещё с середины VII в., в начале XIX в. во многих общинах еще был широко распространен *адат* – местный обычай. Адат противоречил шариату – нормам мусульманского права и морали. Мухаммад-Эфенди начал свою деятельность в Дагестане, решительно потребовав повсеместного отказа от адата и перехода к шариатскому законодательству. Он выдвинул идеи антифеодального, антиколониального протеста и справедливости. В своем обращении к горцам он говорил: «Первый закон нашей веры – это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть рабом другого и, еще того меньше, жить поработанным чужими народами. Второй закон равноценен первому, ибо один без другого не может существовать» [19, с. 39].

К нему в селение Яраг стали стекаться горцы из других селений, чтобы послушать его проповеди.

Число недовольных властью царских наместников и местных феодалов стало расти. В марте 1824 г. наместник царя на Кавказе генерал Ермолов вызвал правителя Кюринского и Казикумухского ханства Аслан-хана и приказал прекратить возникшие волнения. Аслан-хан встретился с Мухаммадом-Эфенди в селении Касумкент, куда по его требованию был вызван шейх с некоторыми своими приверженцами.

Аслан-хан стал упрекать Мухаммада-Эфенди в том, что он своими призывами к газавату (войне с неверными), ведет народ к гибели. Хан говорил о больших военных силах русских, противостоять которым горцы не смогут. В ответ на эти упреки Мухаммад-Эфенди заявил: «Я бы посоветовал и тебе хан, оставить мирскую суету и подумать о том, куда мы все пойдем». Когда хан стал убеждать, что он честен и исполняет все обязанности мусульманина, Мухаммад-Эфенди ответил: «Ты говоришь ложь». Шейх обвинил хана в пособничестве царским колонизаторам, в порабощении подвластного ему народа. Публично оскорбленный хан дал пощечину Мухаммаду-Эфенди. Слова кадия задела Аслан-хана за живое, но через некоторое время он успокоился и попросил прощения у Ярагского. Обратившись к Мухаммаду-Эфенди, он сказал: «Прости меня за оскорбление, которое я нанес тебе в легкомысленной злобе, но исполни просьбу, которую я выскажу во имя твоего и моего блага: прикажи своим мюридам вести себя тихо и не призывать больше народ к возмущению. В противном случае русский наместник потребует, чтобы я привел тебя к себе, и мне придется исполнить его волю; я боюсь совершить тяжкий грех, передав такого большого *алима*, как ты, в руки неверных русских. Если же я встану полностью на вашу сторону, то русские заберут у меня мою землю и наследство, а меня прогонят из моего дома, с моей Родины» [6, с. 21].

Ярагский ответил ему: «Если ты не можешь быть за нас, то не выступай и против нас. Будь для русских другом на словах, чтобы обезопасить себя и быть полезным нам» [6, с. 24]. Аслан-хан сообщил генералу Ермолову, что в ханстве восстановлен порядок.

Однако до порядка было далеко. Услышав о проповедях Мухаммада-Эфенди, в Ярагское медресе явились Гази-Мухаммад и Шамиль из Гимры, Ших-Шабан из Губдена, Гаджи-Юсуф и Джамалуддин из Казикумуха, мулла Хан-Мухаммад из Табасарана и др. [20, с. 21]. Мухаммад-Эфенди изложил программу своей мюридистской организации. Главной ее целью был газават: «Тот, кто не придерживался шариата и никогда не обнажал меча против неверных, для того никогда не наступит спасение, обещанное нам Аллахом через своего Пророка. Тот же, кто действительно желает выполнять повеления шариата, тот должен радостно отречься от всех земных благ и кровь свою и имущество отдать на защиту своего бога, оставить свой дом, жену и детей и последовать призыву битв» [20, с. 22].

Ярагский каялся, что он ошибался, получая от верующих приношения, и просил разделить его имущество между ними. Однажды, когда перед его домом собралось много людей, Мухаммад Ярагский обратился к ним с такими словами: «Я очень грешен перед Аллахом и Пророком. До сих пор я не понимал ни воли Аллаха, ни предсказаний его посланника Мухаммада. По милости Всевышнего только сейчас у меня открылись глаза и я, наконец, вижу, как подобно сверкающим алмазам, проходит мимо меня источник вечной правды. Все мои прошлые деяния лежат на моей душе как тяжелое бремя грехов. Я потреблял плоды Вашего поля, я обогащался за счет Вашего добра, но священнослужителю не пристало брать и десятой доли, а судья должен судить только за то вознаграждение, которое обещал ему Аллах. Я не соблюдал этих заповедей, и сейчас совесть обвиняет меня в грехах. Я хочу искупить свою вину, попросить прощения у Аллаха и у Вас и вернуть Вам все, что брал ранее. Подходите сюда; все мое имущество должно стать Вашим! Берите его и делите все между Вами!» [6, с. 21].

Ярагский, несмотря на свой почтенный возраст, был очень активен в эти годы. Он проявил себя не только духовным руководителем горских масс, но и тонким политиком, полностью владеющим обстановкой. Это был период подъёма тарикатского движения под неустанным контролем и руководством Ярагского. Муршид активно пропагандирует газават и умело направляет деятельность мюридов. Известность шейха и его учения распространяется далеко за границами Кюры, Кубы, Дербентского и Казикумухского ханств.

Учение Ярагского о тарикате складывалось из идей, заложенных в Коране, взглядов столпов традиционного накшбандийского тариката, ряда мыслителей суфизма, в части философии ал-Газали, и собственных убеждений, выражающих индивидуальное миропонимание и специфику духовных запросов населения в конкретных исторических условиях. Сущность и содержание учения излагались помимо речей и воззваний также в молитвах, рукописном сочинении «Асар», касыдах, переписке с проповедниками из разных мест, учебных пособиях и на устных занятиях в медресе [4, с. 83].

Особое место занимают новые формы проповеднической и разъяснительно-агитационной работы в массах: проповеди-обращения, прокламации и речи как на арабском, так и на родном языке. Публичные обращения на языке слушателей делали их содержание доступным, более того – использование родной речи пробуждало еще и национальные чувства. Верующие горцы воспринимали проповеди-воззвания на родном языке с особой теплотой. Они могли и дома свободно пересказывать услышанные речи членам семьи, близким и родственникам.

Мухаммад-Эфенди использовал и организационную форму воспитания тарикатского образа жизни. Он создал тарикатские группы (сообщества) мусульман, во главе которых находились наставники. Наставники отбирались из числа авторитетных правоверных, образованных, известных своей нравственной чистоплотностью и способных личным примером и внушением наставить мусульман на верный путь.

Тарикат Ярагского оформлялся как специфическая школа воспитания совершенной личности. Он включает аскетизм, но разумный; главное в нем – обретение мусульманином «чистого сердца и светлого лица», «избегание шумных забав грешников», «изгнание от себя разврата», «раскаяние в грехах», «прощение обид» и т. д. [4, с. 89]

Активная политическая деятельность Ярагского делала его заложником царских властей. Колониальные власти были начеку: царские агенты держали шейха под постоянным наблюдением. Информация о его связях, круге знакомств, сборах, встречах и проповеднической деятельности стекалась в управление жандармерии и в ставку А.П. Ермолова. Особенно раздражала властей необычайная активность религиозных общин Дагестана, которые вдохновленные речами Ярагского, пропагандировали идеи газавата среди населения. «Беки и важнейшие люди часто собирались для совещания под благовидным предлогом, тогда как на самом деле эти совещания были очень подозрительны», – отмечалось в донесениях [7, с. 136].

Однако проповеди тариката не только не прекращались, но и принимали массовый характер. Царское командование начинает действовать. Ермолов приказывает арестовать Ярагского и доставить его в Тифлис.

Мухаммад-Эфенди без всякого сопротивления сдался. Он был доставлен в Курах, откуда под усиленной охраной его намеревались доставить в Тифлис [6, с. 24]. В Курахе шейха помещают в тюремный каземат. И в ту же ночь ему организуют побег.

После побега Ярагский еще больше активизирует свою деятельность среди горских обществ и уже открыто возглавляет газават.

Период 1825–1826 гг. становится периодом окончательного оформления мюридизма как идеологии освободительного движения.

В конце 1828 г. в мечети Вини-Ярага состоялся «последний совет, на котором положено было начать газават. Мулла Магомет был душою этого совета. Вскоре после того он собрал к себе представителей всех вольных обществ Дагестана – учёных, мулл, кадиев, старшин – и после долгой молитвы объявил всенародно, что знамя газавата поднимает его любимый ученик Кази-мулла и тут же провозгласил его имамом» [17, с. 29].

Преемником и духовным наследником Ярагского становится Джамалуддин Казикумухский (1788–1866). Джамалуддин был дагестанским ученым и преподавателем, духовным наставником Шамиля, одним из авторитетнейших знатоков арабской литературы, занимавшим выдающееся место в духовной жизни Дагестана. Он был одним из ярых сторонников тариката накшбандийского ордена, активным распространителем накшбандийских идей, автором знаменитого суфийского трактата «Правила достойных приличий». Сущность накшбандийского тариката, по словам Джамалуддина, состоит в следующем: «Накшбандийский тарикат означает постоянное занятие лучшими молитвами. Первые условия этого пути – вступивший на него должен повиноваться ниспосланной книге и последнему Пророку (Да будет с ним милость Аллаха), искренне раскаяться в грехах, удовлетворять все обиды, просить прощения у обиженных, служить неуклонно на пути Мухаммада (Да будет с ним милость Аллаха), исполнять строго шариатские постановления, отказываться от лишней еды, лишнего сна и разговоров, постоянно нуждаться в Боге, быть довольным судьбой, извергнуть из себя страсть к сему обманчивому дому вселенной; кто усвоит эти качества, тот дойдет до места присутствия Господа Бога».

Джамалуддин Казикумухский являлся автором нескольких сочинений. Самое известное из них, получившее всеобщее признание – трактат по теории и практике суфизма накшбандийского тариката под названием «ал-Адаб ал-мурдиййат фи-т-тарикат ан-накшбандиййат» («Удовлетворительные правила в накшбандийском тарикате»). Труд издавался неоднократно (Порт-Петровск, 1905; Темир-Хан-Шура, 1908; Оксфорд, 1986). Перевод на русский язык (свободное изложение материала) также издавался в Тифлисе в 1869 г., а перепечатка была осуществлена в Оксфорде в 1986 г.

Известно также сочинение, посвященное доступному изложению основ мусульманской религии (усул ад-дин), правилам совершения молитвы, соблюдения поста, описанию внешности Пророка и его образа жизни. Сочинение построено в форме вопросов и ответов («Та’лиф аш-шайх ал-кадил ал-муршид Джамал-ад-дин» (т. е. «Сочинение совершенного шайха муршида Джамалуддина») или «Кифай ат ал-‘ауам» («Достаточное для народа»)).

Третье известное произведение – «ал-Каул ас-садид фи джауаб рисалат Са’ид ли-ш-шайх ал-муршид Джамал ад-дин» («Здравое слово в ответ на послание Саида шайха муршида Джамалуддина»).

Накшбандийский тарикат был лучшим по своей организации. В его основе заимствования из других систем и действия, которые устраивали суфийские шейхи: публичный зикр, слушание, танец, уединение и т. д., которых не было во времена пророка Мухаммада и праведных халифов.

В «Книге воспоминаний» Абдурахман – сын Джамалуддина ал-Гумуки дает ряд интересных сведений о своем отце и о его деятельности на духовном поприще [1, с. 12]. «Родитель мой, – пишет Абдурахман, – сеид Джамалэддин-Гуссейн, был родом из Казикумуха. В молодости он служил при бывшем Казикумухском хане Аслан-хане в качестве письмоводителя. Хан любил его, и за усердную службу его и преданность пожаловал ему три деревни в Кюринском ханстве. И жители этих деревень платили дань моему отцу». Но Джамалуддин вскоре «очнулся от светского забвения», – обратился к Богу с полным раскаянием в своих грехах, в которых он провел прошлую свою жизнь, будучи в услужении у Аслан-хана. Ибо кто проводит жизнь в сообществе тиранов, у того большая часть жизни проходит в согрешениях». Поэтому он посетил Мухаммада-Эфенди Ярагского, от которого принял тарикат и «позволение направлять по этому пути желающих вступить на истинный путь». С этой миссией он вернулся в Казикумух,

где «проводил время в уединении, занимаясь молитвами и направлением посетителей на путь истины».

На вступление его в число тарикатских последователей проливает свет следующая запись, сделанная им под письменным наставлением к нему Мухаммада-Эфенди Ярагского: «Это первый завет, который сделал мне господин и мой шейх Мухаммад ал-Яраги во время моего следования за ним в 1291 году в первую ночь великого месяца Рамазан» [14, с. 58]. Аслан-хан отрицательно относился к распространению тариката и мюридизма, поэтому Джамалуддин вынужден был удалиться в селение Цудахар, откуда вернулся в Кумух только после смерти правителя (1836 г.)

Из сказанного видно, что, в отличие от своего духовного наставника и учителя Мухаммада-Эфенди Ярагского, Джамалуддин Казикумухский был против газавата. Он даже запрещал Газимухаммаду заниматься газаватом. «Джамал Эддин убедил его принять на себя распространение шариата, но строго запретил ему вступать в борьбу с русскими, а стараться только об искоренении в буйных дагестанцах закоренелых привычек и пороков и наставить их на путь истинный» [16, с. 18].

Воинственность Газимухаммада раздражала Джамалуддина Казикумухского. Он пишет: «Было много ученых людей, которые тоже хорошо знали о необходимости газавата, однако они ничего не предпринимали, считая это дело невозможным: сам Коран воспрещает вести войну против неприятеля сильнейшего. Если найдутся такие люди в настоящее время, пусть они и ведут газават, но ему (Гази-Мухаммаду), как последователю и проповеднику тариката, это неприлично» [11, с. 1498].

Эти разногласия разделили партию тарикатистов на две части: одна поддерживала Газимухаммада, а другая, большая часть, считала, что мюрид обязан подчиниться внутренней дисциплине своего ордена и во всем слушаться своего шейха, даже если он с ним не согласен. «Джамалуддин исповедовал чистый тарикат, чуждый политической подоплеке, направленный на возвышение духа и учивший пониманию божественных откровений» [10, с. 45].

Не призывая к газавату против русских, он сохранял суфизм в строгих догматических рамках.

По своим политическим взглядам шейх резко расходился с имамом Газимухаммадом, потому что «не соглашался с последним в его действиях против русских и в возмущении дагестанского населения», тем не менее, он пользовался громадной популярностью среди населения, принимал активное участие в идеологической и политической жизни Дагестана.

Абдурахман-Хаджи Согратлинский (1792–1881) – третий шейх накшбандийского тариката в Дагестане. О нем упоминает ал-Багини в своём сочинении «Табакат ал-Хаваджиган»: «Полный хранитель, проницательный, разумный советчик Абу Мухаммад Хаджи Абд ар-Рахман Эфенди был учёным, знаменем учёных-правоведов, господином достойных, гротом рабам божьим, советчиком для порочных людей, врагом для упрямых, красноречивым в разговоре, проповедником Дагестана» [3, с. 365].

Абдурахман-Хаджи родился в 1792 г. в селении Согратль. «Селение Согратль – родник учёных, благочестивых, поклоняющихся, смельчаков, ювелиров, потомственных кузнецов. В Дагестане во всех этих делах нет селения равного ему», – так писал о нем Абдурахман из Газикумуха в «Книге воспоминаний» [3, с. 82].

Согратль являлся крупнейшим очагом арабоязычной культуры в Дагестане. Здесь был сформирован крупный учебно-научный центр с несколькими медресе, крупнейшей библиотекой, переплетной мастерской. Здесь совершенствовались свои знания выходцы из многих краев Кавказа. Прошедшие здесь обучение получали официальное право на продолжение учебы в общемусульманском центре образования в Каирском университете Ал-Азхар.

В этом селении было несколько медресе, пользовавшихся большой популярностью в Дагестане. Среди них выделялись медресе Шапи-Гаджи (окончившего самое почетное в мусульманском мире учебное заведение ал-Азхар в Египте), Махди-Мухаммада и

Абдурахмана-Хаджи. В них обучались в среднем по 150–200 человек в год. Туда приезжали со всех концов Дагестана, главным образом для совершенствования мусульманского образования [2, с. 18].

Все три имама Дагестана – Гази Мухаммад, Гамзат-бек и Шамиль – получили духовное воспитание, в т. ч. и в согратлинском медресе. В свое время здесь учились Мухаммад Кудутлинский (1652–1717), Мухаммад Ярагский (1770/71–1838), Джамалуддин Казикумухский (1788–1869), Абусуфьян Акаев (1872–1931) и десятки других выдающихся людей Дагестана, Чечни и Северного Кавказа. В этой среде, пропитанной духом науки и восточной культуры, родился и воспитывался Абдурахман-Хаджи Согратлинский. Его отец – состоятельный торговец Даран Ахмед – человек, побывавший во многих торговых центрах Востока и России и знающий цену науки, расходовал чуть ли не все свое состояние на обучение своих сыновей Абдурахмана и Селим Дибера. Способные сыновья Ахмеда, особенно Абдурахман, оправдали надежды отца. Оба они стали хорошо известными алимами (учёными), популярными не только в родном селении, но и во всем Дагестане [8, с. 68].

Абдурахман-Хаджи прошел традиционные для своего времени ступени мусульманского образования в родном селении.

Основным наукам он обучался у Ибрагим Дибера из Согратля. Последующими учителями Абдурахмана-Хаджи по тарикату и наукам были такие авторитеты, как Мухаммад Ярагский, Джамалуддин Казикумухский, Исмаил Курдамирский, Хас Мухаммад Ширванский. Во время паломничества в Мекку в 1832 г. он, как и многие дагестанцы, решил совершенствовать свои знания. В Мекке он обучался у таких известных ученых, как Сайид Таха ал-Халиди ал-Багдади, Али ал-Кузбари, Абд ар-Рахман ал-Кузбари, аш-Шаркави, Мухаммед ад-Дахлави, Сайид Хусейн Джамал ал-Лайл ал-Макки и др. [8, с. 69].

Существует притча, касающаяся обучения Абдурахмана Согратлинского у Магомед-Салиха Йеменского. Он (Абдурахман Согратлинский), Дамадан Мугинский и Магомед Убринский пришли к Магомед-Салиху Йеменскому с определенной целью познать у него секрет заключительного и высшего учения ислама – сирр ул раббан (тайны Владыки, т. е. Господа) [9, с. 21].

У Абдурахмана-Хаджи в свою очередь учились, воспитывались и получили аттестаты такие муршиды и алимы, как Мухаммад Ободинский, автор сочинения «Канз ад-дурар» по тарикату, Абдуллах-Хаджи Гимринский, Атанас Могохский, Султан-Кадии Араканский, Мухаммад-Хаджи Кикунинский, Узун-Хаджи Салтинский [8, л. 69].

Учеником Абдурахмана Согратлинского был выдающийся сподвижник и соратник Шамиля – Магомед-Амин (1818–1899), с деятельностью которого связана новая и яркая полоса в народно-освободительном движении народов Западного Кавказа против царизма в 40–50-е гг. XIX в. [13, с. 198].

Наиболее известными сочинениями Абдурахмана-Хаджи являются:

1. Касыда, посвященная победе войск Шамиля над отрядами Воронцова в Дарго [22, с. 192]. В «Касыде» упоминаются храбрейшие наибы Шамиля – Хатын, Сухайб, Ильдар, которые погибли в сражениях при Бальгито, Дарго.

2. Суфийский трактат «Ал-Машраб ан-Накшбандийа» («Источник Накшбандийа»), изданный в Темир-Хан-Шуре в 1906 г. Сочинение посвящено исламу и суфийско-тарикатскому учению и предназначено мюридам, вступающим на путь накшбандийского тариката. В предисловии разъясняются принципы суфизма, его предмет и конечная цель. В трех главах раскрывается суть, ??? сущности Всевышнего Аллаха. В заключительной части автор возвращается к суфийской тематике.

Перевод сочинения «Ал-Машраб ан-Накшбандийа», выполненный научным сотрудником ИИАЭ ДНЦ РАН А.Р. Наврузовым, приводится в книге А.М. Абдуллаева «Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-Хаджи и его родословная» [2, с. 200].

3. «Хашийа ас-Сугури» или «Хашийа Адаб ал-Бахс» («Субкомментарий к нормам поведения при дискуссии»). В Рукописном фонде ИИАЭ ДНЦ РАН имеются три копии этого сочинения.

Известно, что Абдурахман-Хаджи пользовался большим уважением у имама Шамиля. В переписке имам обращался к нему со словами «Аш-шамс ал-мунира» («Светящее солнце»).

С Шамилем и Гази-Мухаммадом Абдурахман-Хаджи познакомился еще тогда, когда они вместе с ним изучали тарикат у первых двух тарикатских шейхов.

Абдурахман-Хаджи был у Шамиля мухтасибом – своего рода государственным инспектором аппарата имамата и советником. Шамиль поручал ему наиболее важные и сложные дела государственного и частного характера. Особенно часто приходилось ему заниматься урегулированием конфликтов между представителями власти имамата, родами и влиятельными лицами.

В 1843 г. при штурме русскими Казикумуха в числе других попал в плен и Абдурахман-Хаджи. Он был заключен в тюрьму в Тбилиси. Чтобы поднять ответственность мюридов в бою, имам запрещал в те годы обменивать русских на пленных мюридов. Но в данном случае имам отступил от своих правил и обменял русских пленников на алима. После поражения движения горцев и пленения Шамиля Абдурахман-Хаджи был самым авторитетным деятелем в горном Дагестане.

Абдурахман-Хаджи был популярным тарикатским шейхом. «Во времена своей юности он отправился к Джамалуддину Казикумухскому и принял от него иджазу (разрешение) на вступление в Накшбандийский тарикат и на наставление людей на него. После он встретился с Мухаммадом Ярагским во время пребывания его (Ярагского) в Согратле. И от него также получил *иджазу* на наставление в тарикат.

Шейх Согратлинский глубоко изучал все науки, знал наизусть Коран. Он был богобоязненным человеком и аскетом» [15, с. 113].

Основными занятиями шейха были преподавание наук на арабском языке и духовное руководство многочисленными мюридами накшбандийского тариката. Он обучал, наставлял, направлял людей по пути шариата и тариката. Современники характеризовали его как «человека воздержанного и умеренного. Он обладал большим талантом ораторско-проповеднического искусства и порою заставлял аудиторию плакать» [8, л. 70].

Говорили, что Абдурахман-Хаджи утром заходил в мечеть и преподавал до вечерней молитвы все науки, в том числе философию и астрономию. А вечером, дома принимал мюридов до поздних часов и занимался их духовным образованием [8, л. 74].

Не последнюю роль он сыграл и в политической жизни Дагестана. Об этом свидетельствует восстание горцев 1877 г., духовным знаменем которого он стал. С самого начала шейх был против восстания и убеждал народ в несвоевременности выступления. Но его не послушали. Восставшие просили пожилого шейха возглавить восстание, но Абдурахман-Хаджи отказался, ссылаясь на преклонный возраст. Тогда повстанцы потребовали, чтобы сын Абдурахмана-Хаджи – Гаджи-Магомед возглавил его (восстание). Восстание было жестоко подавлено. Его руководители во главе с сыном Абдурахмана-Хаджи были казнены. Князь Меликов, руководивший русскими войсками, собиравший подвергнуть наказанию и Абдурахмана-хаджи, который был настолько стар, что не мог ходить самостоятельно. Поэтому его принесли к князю на носилках. Меликов обвинил шейха в том, что он поднял бунт и приказал арестовать и отправить его в Гуниб, а оттуда на арбе он был перевезён в Темир-Хан-Шуру.

С просьбой простить шейха к Меликову обратилась мать его переводчика Абдулкадыра Даитбекова из сел. Нижнее Казанище. Переводчики считались уважаемыми людьми, к мнению которых прислушивались, и поэтому князь удовлетворил просьбу матери Абдулкадыра, и шейха отправили к ней, в Нижнее Казанище, где он и оставался до смерти, т. е. до 1881/82 г. [12, с. 154].

Все три личности – Мухаммад-Эфенди Ярагский, Джамалуддин Казикумухский и Абдурахман-Хаджи Согратлинский – являлись почитаемыми суфийскими шейхами, яркими политическими деятелями и известными учеными не только в Дагестане, но и за его пределами.

Литература

1. *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний / Пер. с араб. М.-С. Саидова; Ред. перевода, подготовка факсимильного издания, коммент., указатели А.Р. Шихсаидова, Х.А. Омарова. – Махачкала, 1997.
2. *Абдуллаев М.А.* Деятельность и воззрения шейха Абдурахмана-Хаджи и его родословная. – Махачкала, 1998.
3. *Ал-Багини*. Табакат ал-Хаваджиган. – Дамаск, 1996 (Пер. с араб. языка автора настоящей статьи)
4. *Агаев А.Г.* Магомед Ярагский. – Махачкала, 1996.
5. *Бертельс Е.Э.* Суфизм и суфийская литература. – М., 1956.
6. *Боденштедт Ф.* Народы Кавказа и их освободительные войны против русских. – Махачкала, 1996.
7. *Волконский Н.А.* Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 гг. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. 1886. Т. 10.
8. *Гайдарбеков М.* Антология дагестанской поэзии на арабском языке. – Махачкала, 1965.
9. *Гусейнов Г.К.* Магомед-Убри. Дагестан: время судьбы. – Махачкала, 1992.
10. *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2000.
11. *Дневник Руновского* за июль 1861 г. // Акты Кавказской археографической комиссии. 1904. Т. 12.
12. *Кемпер М.* К вопросу о суфийской основе джихада в Дагестане // Подвижники ислама. – М., 2003.
13. *Магомеддадаев А.М.* Магомед-Амин – наиб Шамиля в стране адыгов // Информационно-аналитический вестник. Вып. 5. – Майкоп, 2002.
14. *Магдиев С.Я.* «Правила достойных приличий» шейха Джамалуддина Казикумухского // Материалы региональной научно-практической конференции «Молодежь и наука Дагестана» (24–25 сентября 2002 г.). – Махачкала, 2002.
15. *Назир из Дургели*. Нузхат ал-Азхан фи тараджим уламаи Дагистан // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Фонд Магомедсаида Саидова. № 95. (Пер. с арабского языка автора настоящей статьи).
16. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000.
17. *Потто В.* Кавказская война. – Тифлис, 1889. Т. V. Вып. 1.
18. *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х.* Мухаммад Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала, 1996.
19. *Ханбабаев К.М.* Мюридизм в Дагестане в XIX – начале XX вв. // Сборник научных статей «Ислам в Дагестане». – Махачкала, 1994.
20. *Хашаев Х.-М.* Движущие силы мюридизма в Дагестане. – Махачкала, 1956.
21. *Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи* о дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. с араб. А.М. Барабанова. – М.–Л., 1941.

Поступила в редакцию 12 февраля 2011 г.